

Мельников Михаил Васильевич

кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Новосибирского государственного университета экономики и управления «НИНХ», доцент кафедры социологии и массовых коммуникаций Новосибирского государственного технического университета

Крейк Альфред Иосифович

кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Новосибирского государственного университета экономики и управления «НИНХ», доцент кафедры социологии и массовых коммуникаций Новосибирского государственного технического университета

Мельникова Анастасия Сергеевна

старший преподаватель кафедры социологии Новосибирского государственного университета экономики и управления «НИНХ», старший преподаватель кафедры социологии и массовых коммуникаций Новосибирского государственного технического университета

ОТНОШЕНИЕ К ОБЩЕСТВЕННОМУ БЛАГУ И СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДСКИХ И СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ

Аннотация:

В статье представлены результаты двух социологических исследований, посвященных местному самоуправлению и качеству жизни в мегаполисе и сельских поселениях. Авторы выполнили сравнительный анализ частей вопроса, посвященных отношению респондентов к деятельности, направленной на общественное благо. Выявлены существенные различия в ответах респондентов в опросах 2014 и 2018 гг. В опросе 2014 г. 66 % респондентов выразили добровольное желание предложить и реализовать какой-либо проект ради общественного блага. В опросе 2018 г. число респондентов, желающих заниматься этим, снизилось до 27 %. Авторы связывают произошедшие изменения с социальным статусом и сферой деятельности респондентов, условиями проведения опросов и ухудшением материального положения и благосостояния респондентов и их семей. В результате контент-анализа пояснений, сделанных респондентами, участвовавшими в опросе 2014 г., удалось систематизировать направления проектов, нацеленных на общественное благо, выявить причины, ограничивающие активность респондентов и местных жителей в содействии реализации этих проектов. Теоретическими основаниями выводов об отсутствии у местных жителей интереса к рассматриваемым проектам являются социологическое определение общественных благ и теория коллективного бездействия М. Олсона, концепт «элитный захват ресурсов» и концепция приватизма. Авторы пришли к выводу, что отношение большинства респондентов и местных жителей к деятельности, посвященной общественному благу, стало рациональным. Нежелание заниматься ею вызвано отсутствием поддержки и солидарности в местном сообществе,

Melnikov Mikhail Vasilyevich

PhD in Social Science, Associate Professor, Sociology Department, Novosibirsk State University of Economics and Management, Associate Professor, Sociology and Mass Communication Department, Novosibirsk State Technical University

Kreyk Alfred Iosifovich

PhD in Social Science, Associate Professor, Sociology Department, Novosibirsk State University of Economics and Management, Associate Professor, Sociology and Mass Communication Department, Novosibirsk State Technical University

Melnikova Anastasiya Sergeevna

Senior Lecturer, Sociology Department, Novosibirsk State University of Economics and Management, Senior Lecturer, Sociology and Mass Communication Department, Novosibirsk State Technical University

ATTITUDE TO PUBLIC GOODS AND SOCIAL ACTIVITY OF URBAN AND RURAL POPULATION

Summary:

The paper presents the results of two sociological studies on local governance and the quality of life in metropolitan and rural settlements. The authors perform a comparative analysis of the parts of the questionnaire on respondents' attitudes towards public good activities. There were significant differences in the opinion of respondents in the polls in 2014 and 2018. Most respondents (66%) expressed a voluntary desire to propose and implement a project for the public good in a 2014 survey. A 2018 poll showed that the number of respondents who wanted to do this decreased to 27%. The authors associate these changes with the social status and field of activity of the respondents, the conditions for conducting surveys, the deteriorating financial situation and well-being of the respondents and their families. It has become possible to systematize the scope of projects focused on public goods and identify the constraints on the active involvement of respondents and local residents in project implementation while providing a content analysis of the 2014 survey explanations made by respondents. The sociological definition of public goods and M. Olson's theory of collective inaction, the concept of elite capture of resources and the concept of privatism are the theoretical basis for the conclusions made by the authors about the lack of interest of the locals in the projects under consideration. The authors conclude that the attitude of the majority of respondents and local residents to public good activities has become rational. The reluctance to be engaged in it is caused by a lack of support and solidarity of the local community and a lack of common interests among neighbors. In this case, the idea of what is a public good and the desire to contribute to its multiplication become diluted. People demonstrate the dominant desire to augment private and, to a lesser extent, club goods that implies the improvement to the local space of the respondents' residence.

фактическим отсутствием общих интересов у людей, включая соседей. В этом случае представление о том, что такое общественное благо, и желание содействовать его приумножению становятся размытыми. Доминирующим является настрой людей на приумножение частных и в меньшей степени клубных благ, под которыми можно понимать работу по благоустройству придомовой территории места проживания респондентов.

Ключевые слова:

общественное благо, социальная активность, местное самоуправление, качество жизни, теория коллективного бездействия, элитный захват ресурсов, приватизм, контент-анализ.

Keywords:

public goods, social activity, local g governance, quality of life, theory of collective inaction, elite capture of resources, privatism, content analysis.

В трудные для любой страны времена особую значимость приобретает поиск или укрепление взаимопонимания и солидарности между правительством (и в целом органами власти) и гражданами. Ярким и надежным выражением эффективности таких отношений можно считать степень поддержки действий правительства со стороны населения и гражданского общества. Опросы общественного мнения, проводимые в России в течение 2018 г., показывают, что уровень этой поддержки снижается. У россиян слабеют надежды на помощь со стороны государства, возрастает вызванная обстоятельствами ориентация на собственные силы [1]. В такие времена особую символику получают слова, призывающие спрашивать людей не только о том, что может сделать для них их страна, но и о том, что они сами могут сделать для своей страны. Примером готовности россиян поддержать эти слова является рост волонтерской активности, связанный во многом с участием добровольцев в организации спортивных и культурных мероприятий, проводимых в России [2]. Социологические исследования показывают, что волонтерское движение в России находится в стадии институционализации и является мощнейшим трудовым ресурсом, приносящим общественную пользу [3]. Зарубежные ученые делают вывод, что благодаря волонтерам общество может получать общественные блага и услуги, особенно те, которые недоступны из-за провала рынка и правительства [4].

На фоне усилий волонтеров менее заметным, в том числе как объект социологических исследований, видится отношение не вовлеченных в добровольчество россиян к участию в проектах, направленных на общественное благо. Социологические исследования, посвященные отношению россиян к участию в такой деятельности, содержательно наиболее близки к исследованиям, посвященным социальной активности населения на уровне местных сообществ и местного самоуправления. В действительности, по крайней мере если иметь в виду Россию, местное население может быть названо сообществом с очень большими оговорками. О сообществе можно судить по его активности. Социологические исследования, проводившиеся разными коллективами ученых в разные годы и в разных местах, показали, что социально активными являются около 30 % россиян [5]. Этот показатель трудно назвать высоким.

Объяснить причины отсутствия у местных жителей заинтересованности в участии в добровольной деятельности ради общественного блага можно в первую очередь с помощью теории коллективного бездействия М. Олсона. Им предложена социологическая концептуализация общественных благ применительно к уровню социальных групп, включая профессиональные группы. Общественное, или коллективное, благо рассматривалось Олсоном с опорой на идеи П. Самуэльсона как любой товар или услуга, которые могут быть определены только по отношению к какой-то группе следующим образом: если их потребляет любой индивид, входящий в группу, то их могут потреблять и все остальные члены группы [6, с. 111]. Но поскольку люди в основном мыслят рационально, у них отсутствует личная заинтересованность во внесении своего вклада в обеспечение и приумножение общественного блага [7]. Особенно если ожидаемая ими личная выгода, в справедливости которой они уверены, будет соразмерна выгоде, получаемой людьми, которые внесли существенно меньший вклад.

Второе объяснение состоит в том, что в России происходит подмена местного самоуправления, действующего в интересах большинства, самоуправством частных союзов чиновников, предпринимателей и так называемых новых помещиков [8]. Для описания общественных последствий действий этих союзов часто используется термин «элитный захват ресурсов» [9]. Под ним понимается установление частного контроля над использованием общественных благ с целью получения частной выгоды, вследствие чего происходит приватизация общественных благ и их трансформация в клубные блага. Понимая это, местные жители предпочитают бездействие совершению действий, приносящих выгоду правящему меньшинству.

Третье объяснение может быть связано с воздействием на сознание и поведение людей приватизма (установки на высокое значение ценностей частной жизни и равнодушие к общественным делам). По словам И.Д. Джохадзе, общественное (публичное), некогда ограничивавшее и подчинявшее себе частное (приватное), теперь само оказалось ограниченным и подчиненным. В этих условиях одной из важнейших задач политики является восстановление приоритета публичного над приватным, или реполитизация «общего дела» [10, с. 72]. Активизация волонтерства на федеральном и местном уровне направлена на служение этому делу в форме деятельности ради общественного блага. Вовлечение местных жителей в проекты, осуществляемые на местном уровне и направленные на общественное благо местных сообществ, следует рассматривать как еще один важный шаг в направлении повышения гражданской активности россиян.

Из других работ последних лет, содержательно близких к социологической концептуализации общественного блага, обратим внимание на два исследования. Б. Брэдли изучил существенные изменения в лучшую сторону в жилищной и санитарной политике в бразильском городе Сан-Паулу и показал необоснованность обесценивания теориями современной социальной политики возможностей уменьшения неравенства в распределении общественных благ. А. Банерджи, Л. Айер и Р. Соманатхан установили, что распределение общественных благ является результатом взаимодействия между силами коллективного действия и различными нисходящими процессами [11].

Вопросы, посвященные отношению местных жителей к этой деятельности, были включены в инструментарий двух социологических исследований, проведенных в Новосибирской области и городе Новосибирске в 2014 и 2018 гг. и посвященных проблемам жизнедеятельности и качеству среды обитания респондентов.

Участниками первого исследования стали 2 200 респондентов, проживающих во всех районах города Новосибирска, городских и сельских поселениях Новосибирской области и представляющих местные органы власти, самозанятых граждан, интеллигенцию (врачи, учителя, работники культуры и сотрудники научных учреждений). В опросе использовалась целевая аналитическая, квотная представительная выборка. Применены две ступени отбора респондентов: 1) составлен список «лидеров мнений», наиболее часто упоминавшихся в различных местных СМИ Новосибирской области; 2) на основе рекомендаций респондентов первой ступени отбора на первом этапе сформирован расширенный список респондентов, хорошо информированных о положении дел в своих населенных пунктах.

Исследование 2018 г. проведено в Новосибирске. Его участниками стали 1 204 респондента, проживающие во всех десяти районах города и представлявшие как опрошенные в 2014 г. группы населения, так и занятых в торговле, промышленности, транспортной сфере, сервисе и т. д. Использовался трехступенчатый отбор: 1) административные районы города, 2) улицы и жилые дома, 3) респонденты с расчетом квот по полу и возрасту.

Таким образом, в опросах 2014 и 2018 гг. использовались различные выборки, но при этом имелось существенное сходство решаемых задач, проверяемых гипотез, используемого инструментария исследования. В опросах принимали участие жители одних и тех же административно-территориальных единиц (административных районов Новосибирска), проживающие в условиях одной и той же социальной среды. Фактически опросы 2014 и 2018 гг. можно рассматривать как две стадии одного исследования, посвященного одному объекту – проблемам жизнедеятельности и качеству среды обитания. На первой стадии, в 2014 г., оценки положения дел в изучаемой области были даны экспертами, а в 2018 г. – рядовыми жителями. В связи с тем что возможности сбора данных по всей Новосибирской области в 2018 г. были существенно ограничены, опрос был проведен только в областном центре – городе Новосибирске.

Основной интересующий нас вопрос звучал так: «Считается, что раньше люди жили дружнее, принимали активное участие в жизни своего поселения, а сейчас все разобщены, каждый думает только о себе. Готовы ли Вы своим личным примером менять эту ситуацию? Готовы ли Вы предложить и реализовывать какой-либо проект ради общественного блага?» Вопрос являлся закрытым, респонденты выбирали один из наиболее подходящих в их представлении вариантов ответа. Однако интервьюеры просили респондентов пояснить свой ответ. Многие это сделали. Некоторые пояснения были краткими, в несколько строк, другие – развернутыми, объемом более страницы. В опросе 2018 г. респондентам был задан такой же вопрос. Но в отличие от опроса 2014 г. почти все респонденты воздержались от пояснений. В 2014 г. опрос проходил по месту работы респондентов, его время было заранее согласовано, тогда как опрос 2018 г. проводился главным образом на улицах Новосибирска, в нем участвовали случайно выбранные люди. Их согласие ответить на вопросы большой по объему анкеты можно объяснить наличием свободного времени и доброжелательным отношением к интервьюерам-студентам.

Переходим к анализу полученных в ходе опросов ответов. Выявлены существенные различия в предпочтениях выбранных респондентами вариантов ответа. В 2014 г. вариант ответа

«да, с удовольствием» выбрали 66 % опрошенных, тогда как в 2018 г. всего 27 %. Вариант ответа «если обяжут, то буду заниматься» в 2014 г. предпочли 13 %, а в 2018 г. – 22 % респондентов. Вариант ответа «если за это заплатят хорошие деньги» выбрали 3 и 15 % респондентов соответственно. Заметной является разница и при выборе респондентами варианта ответа «принципиально не буду заниматься, так как от моего личного вклада не будет ощутимых результатов»: в 2014 г. его указали 7 %, а в 2018 г. – 18 % респондентов. Наименее существенные различия выявлены при выборе респондентами варианта ответа «хотелось бы, но не знаю, к кому обратиться»: 7 % в 2014-м и 11 % в 2018 г.

Для объяснения особенностей предпочтения респондентами вариантов ответа в 2014 и 2018 гг. можно в первую очередь использовать теорию статусных характеристик. Б. Симпсон, Р. Уиллер и С. Риджуэй (2012), А. Тутич и С. Грель (2018) показали, что акторы с высоким статусом проявляют больше инициативы и в целом вносят больший вклад в обеспечение общественных благ, чем акторы с низким социальным статусом [12]. Применительно к России этот вывод подтвержден следующим примером. Социологическое исследование, проведенное Ф.Ю. Ерофевым в июле 2006 г. в городе Набережные Челны, показало, что к социально активным слоям населения себя отнесли 36 % опрошенных горожан. Но среди бизнесменов и руководителей их число существенно выше: 80 и 57 % опрошенных соответственно [13, с. 10].

Полученные нами в ходе опросов 2014 и 2018 гг. результаты позволяют сделать такой же вывод. В опросе 2014 г., посвященном местному самоуправлению, 21 % опрошенных являются представителями органов власти, а 14 % занимаются бизнесом. Среди 62 % респондентов, относящихся к интеллигенции, нередко встречались люди, руководящие образовательными и лечебными учреждениями, учреждениями культуры. Не менее 40 % респондентов опроса 2014 г. могут быть отнесены по формальным и содержательным признакам к акторам с высоким социальным статусом. Многие из таких людей являются публично заметными персонами. Для них важно поддерживать представление о себе как о руководителях, помогающих осуществлять на контролируемой ими территории проекты, нацеленные на общественное благо. Поддержка этих проектов, пусть даже формальная и на словах, даже во время беседы с интервьюером, важна для подтверждения хорошей общественной репутации руководителя. В свою очередь, респонденты, представлявшие в опросе 2014 г. интеллигенцию (учителя, врачи, культурные работники), часто выбирали вариант ответа «да, с удовольствием», потому что их профессиональная деятельность направлена на оказание помощи другим людям.

В отличие от достаточно однородной выборки 2014 г. жители Новосибирска в опросе 2018 г. при ответе на вопрос: «В какой сфере Вы трудитесь?» – имели возможность выбрать подходящий им вариант из четырнадцати имевшихся вариантов ответа. Разнородность социального и профессионального состава респондентов, а также возможность сохранить свое имя в тайне обусловили иное распределение ответов на вопрос о готовности предложить и реализовывать какой-либо проект ради общественного блага. Участники опроса 2018 г. чаще, чем в 2014 г., делали выбор, который можно назвать рациональным. Их готовность работать ради общественного блага связана с ожиданиями личной выгоды («если за это заплатят хорошие деньги») и проявлением вынужденной лояльности по отношению к руководству («если обяжут, то буду заниматься»). Респонденты имели больше возможностей отвечать без оглядки на публичную оценку и критику их ответов, поскольку среди них было меньше руководителей, беспокоящихся о своей репутации.

При объяснении ответов в опросах 2014 и 2018 гг. следует учесть не только общественное положение респондентов и ситуацию, в которой проходили опросы, но также произошедшие за эти годы изменения в обществе. В 2014 и 2018 гг. респонденты отвечали также на вопросы: «Какое из следующих высказываний лучше всего характеризует Ваше материальное положение на сегодня?» и «Определите, как изменилось благосостояние Вашей семьи и Вас лично за последние 2–3 года». В опросе 2014 г. варианты ответов «денег едва хватает на пропитание и повседневные бытовые затраты», «на повседневные затраты уходит вся зарплата» и «на повседневные затраты хватает, но покупка одежды и предметов быта затруднительна» в сумме выбрали 27 % респондентов. В опросе 2018 г. они получили поддержку более 40 % респондентов. При ответе на вопрос об изменении благосостояния 10 % респондентов в опросе 2014 г. и 24 % респондентов в опросе 2018 г. выбрали варианты ответов «стали жить несколько хуже» и «стали жить намного хуже». С 51 % в 2014 г. до 28,5 % в 2018 г. сократилось число респондентов, выбравших вариант ответа «стали жить несколько лучше». Даже учитывая, что у многих респондентов из опроса 2014 г. социальный статус был условно высоким, нельзя не увидеть, что уровень благосостояния новосибирцев с 2014 до 2018 г. снизился. В этих условиях многие люди не могут позволить себе заниматься какой-то общественной и неоплачиваемой, как они полагают, работой.

Переходим к сравнению ответов респондентов, проживающих в городской и сельской местности. Представленные в таблице 1 результаты свидетельствуют о том, респонденты из сельских поселений чаще, чем жители городов (Новосибирск, Бердск, Искитим), выбирали первый вариант

ответа. Соответственно, они реже поддерживали варианты ответа, выражающие мысль о том, что основу готовности предложить и реализовать общественные проекты составляет их стремление к личной выгоде. Эти отличия можно объяснить существованием менее формальных отношений между представителями органов власти и населением в небольших сельских поселениях.

Таблица 1 – Сравнительная характеристика ответов на вопрос о готовности респондентов предлагать и принимать участие в реализации проектов, посвященных общественному благу, % от числа опрошенных

Вариант ответа	2014				2018
	Общий результат	Тип поселения – городской округ	Тип поселения – городское поселение	Тип поселения – сельское поселение	
1. Да, с удовольствием	66	64	69	72	27
2. Если обяжут, то буду заниматься	13	11	17	13	22
3. Если за это заплатят хорошие деньги	3	5	2	1	15
4. Хотелось бы, но не знаю, к кому обратиться	7	10	7	5	11
5. Принципиально не буду заниматься, так как от моего личного вклада не будет ощутимых результатов	7	10	5	5	18
Пропущенные	4	–	–	4	7
Итого	100	100	100	100	100

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о том, что вкладывали респонденты в слова «общественное благо», как они понимали их, какие примеры деятельности, направленной на общественное благо, приводили. С этой целью выполнен количественный контент-анализ пояснений, сделанных респондентами при выборе подходящего варианта ответа. Проанализированы ответы жителей Железнодорожного, Завельцовского, Ленинского, Первомайского и Советского районов города Новосибирска, города областного подчинения Обь, наукограда Кольцово, Барабинского, Доволенского, Колыванского, Северного и Тогучинского районов Новосибирской области. Всего были проанализированы пояснения 501 респондента, которые указали 268 проектов.

Известно, что общественные блага обладают признаками неконкурентности и невозможности исключить кого-либо из их использования. Эти блага доступны для всех и каждого. Но их использование может быть как частным, так и публичным. В последнем случае речь может идти о благах, производимых государством, обществом или местным сообществом. К таким благам можно отнести национальную безопасность и оборону, национальные парки, уличное освещение, открытые для всех общественные пространства и заведения, комфортную среду проживания и жизнедеятельности. Изучение пояснений, сделанных респондентами, показало, что абсолютное большинство респондентов не испытывали затруднений с пониманием того, что такое общественное благо.

По направлениям проекты, которыми респонденты хотели бы заняться и уже занимаются, распределились следующим образом:

- 1) благоустройство общественной территории (придомовой, городской), в том числе уборка мусора, проведение субботников, озеленение, – 41 %;
- 2) работа с детьми, подростками и молодежью – 18 %;
- 3) деятельность в сфере культуры и просвещения – 13 %;
- 4) спортивные мероприятия – 9 %;
- 5) социальная поддержка пожилых людей и ветеранов – 7 %;
- 6) социальная поддержка инвалидов – 4 %;
- 7) пропаганда здорового образа жизни – 3 %;
- 8–9) социальная поддержка одиноких и многодетных матерей; помощь животным – по 1,4 %;
- 10–11) социальная поддержка бездомных; мигрантов – по 0,4 %;
- 12) другое – 1,4 %.

В пояснениях респонденты старались подчеркнуть общедоступность блага, которое может появиться благодаря проекту.

1. «По моей личной инициативе была сделана хоккейная площадка. Совместно с супругой был разработан грант на строительство памятников участникам войны, который мы выиграли. И люди приняли самое активное участие, за что я просто благодарен. Тренажерный зал. Было заброшенное здание. По моей инициативе мы сделали, отремонтировали. Сейчас туда ходят, занимаются и ребяташки, и взрослые, и пенсионеры» (Барабинский р-н, респ. 34).

2. «...Допустим я долбил по поводу освещения на одной из улиц Советского района, долбил местные власти, депутатов, через 2 года все эти вещи удалось реализовать, нашлись деньги, удалось привлечь депутатов и местных властей, и в общем-то эта проблема была решена» (Советский р-н, респ. 27).

3. «Я в Доме творчества экологию веду, воспитываю детей. Проводим различные акции с ребяташками, чтобы показать значимость данной науки, учу привлекать детей взрослых на свою сторону. У нас недавно проводили акцию – “Чистый берег”. Ходили в лес, там неофициальная зона отдыха северян, там кучу мусора всегда оставляют. На маленьком участке с ребяташками посмотрели, убрали, они пришли и рассказали родителям, какой вид был и какой стал. Они сами выдвигают теперь предложение привлечь своих родителей и убрать другой участок» (Северный р-н, респ. 8).

4. «Аллею для молодоженов сделали – подкову – они из загса выходят, фотографируются. Да много я сделала» (Колыванский р-н, респ. 9).

Особое внимание респонденты уделяли важности солидарности и поддержки людьми друг друга в ходе реализации проекта.

1. «Скорее всего, по роду моей деятельности это был бы экологический проект. Субботник, очистка там речки, например. Труд, тем более совместный, помогает сдружиться» (Первомайский р-н, респ. 27).

2. «Я принимала участие в проведении газа на нашей улице, в организации детской площадки, воду мы проводили своими силами: ни водоканал, ни администрация нам не помогали» (Ленинский р-н, респ. 29).

3. «У нас в нашем закутке, в этой “нахаповке”, мы до сих пор друг друга поддерживаем, помогаем. Вот в прошлом году мы решили общим собранием поменять старые трубы на новые, водопровод. Мы собрались и все три дня от мала до велика все работали. Сами копали, сами укладывали, скручивали, в одном месте потекло, и мы устранили. Сейчас все хорошо. Интервьюер: А кто это все организовал? Респондент: Как кто? Мы. Улица» (Железнодорожный р-н, респ. 16).

Респонденты поясняют, что осуществление проектов может повысить качество жизни в их населенных пунктах.

1. «Электронный, гражданский бюджет, например. В общественной сфере. На сайте бюджет детализируется, и жители могут голосовать» (Советский р-н, респ. 7).

2. «Это не только инфраструктуру поднимать (дороги, уличное освещение, вода, телефон и т. п.), но и развивать производственную сферу» (Доволенский р-н, респ. 13).

3. «Очистка населенного пункта от свалок, мусора. Организация спортивных мероприятий для детей и для взрослых» (Барабинский р-н, респ. 34).

Содержание ряда ответов показывает, что респонденты представляют в качестве работы ради общественного блага элементарные действия.

1. «Лампочки в подъезде регулярно вкручиваю, а на что-то большее пока не готова. По крайней мере одна» (Заельцовский р-н, респ. 6).

2. «Если позовут на лыжню, пойду...» (Тогучинский р-н, респ. 4).

3. «Интервьюер: Вы уже участвуете в этом или только готовы? Респондент: Готова. Макулатуру сдаю. Интервьюер: Это ваша личная инициатива или как-то общество привлекаете? Респондент: Нет, это я сама сдаю» (Советский р-н, респ. 68).

Неоднократно респонденты говорили о том, что инициаторов проектов не поддерживают те, кто может получить личную выгоду от реализации проекта.

1. «Я около дома делаю клумбу, и никто другой не будет делать. Постоят, посмотрят и не хотят ничего, а потом еще и разрушают. Ломают, разрушают, и ездили мы в декоративный питомник, привозили, и была у меня листовница 2,5 метра, осталась вот такая, сломали. И уже принципиально неохота ничего делать» (Ленинский р-н, респ. 103).

2. «Ну вот у нас, например, два проекта в этом году: детская площадка и хоккейная коробка. Мы написали объявления, развезли по деревне, что надо прийти и убрать территорию, – ни один не пришел. Чтобы убрать детскую площадку, кроме моего мужа и работников клуба администрации, ни один житель не пришел» (Тогучинский р-н, респ. 35).

3. «Я ее пытаюсь менять, мы проводим праздники “День соседа”, “Масленица”, “Новый год”, чтобы людей собрать, но дальше этого не идет. Людям настолько все это неинтересно, что мы даже вас наградим, чаем напоим, конфетами накормим – все равно не идут. А скажи: “Дам 100 грамм” – придут 100 %» (Первомайский р-н, респ. 32).

Фактически респонденты упрекают своих соседей в том, что они занимают известную позицию «безбилетника», получающего личную выгоду, но не желающего за нее платить. Свое собственное нежелание инициировать и поддерживать проекты респонденты объясняли следующим образом.

1. *«Проекта у меня нет, и личным примером менять эту ситуацию не собираюсь. Не планирую дальше здесь жить, поэтому мне безразлично»* (Заельцовский р-н, респ. 14).

2. *«Очень трудно ответить, потому что такое желание было, но сейчас его отбили напрочь»* (Первомайский р-н, респ. 20).

3. *«Нет. Я работаю на своем рабочем месте, стараюсь изо всех сил принести людям пользу и больше я уже не могу»* (Советский р-н, респ. 33).

В результате анализа пояснений выявлено, что жители городских поселений чаще, чем жители сел, инициируют проекты в области экологии, защиты детей, инвалидов и пожилых людей. Это может быть связано с большей разобщенностью городского населения, ослаблением семейной солидарности, увеличением численности одиноких людей.

Полученные ответы позволяют сделать вывод, что представленные в начале статьи объяснения причин отсутствия заинтересованности местных жителей в участии в добровольной деятельности ради общественного блага (теория коллективного бездействия, элитный захват ресурсов и приватизм) являются обоснованными. Отношение большинства местных жителей к тому, что называют общественной работой, стало прагматичным. У людей нет свободного времени и желания заниматься каким-то делом во имя общественного блага, если у них нет понимания, какую личную выгоду они могут при этом получить. Респонденты подчеркивают, что время изменилось, коллективистские ценности советских людей исчезают. У каждой работы должна быть своя цена, необязательно измеряемая в деньгах. Неоднократно респонденты, особенно жители города, отмечали, что окружающие их люди также демонстрируют незаинтересованность в подобной работе. Фактически респонденты обосновывают свое нежелание заниматься общественной работой и агитировать делать это других людей тем, что они часто не видят в реакции окружающих на их действия признаков, что какое-то общество существует. В этом случае представление о том, что такое общественное благо, становится размытым. Общество невозможно, если в его основе нет взаимного интереса людей друг к другу, желания общаться, сотрудничать с близкими и дальними другими. Отсутствие общности людей и потому общества между ними на уровне дома, двора, квартала, улицы, поселения проявляется в запущенности общественных мест и пространств. Доминирующим является настрой людей на приумножение частных и в меньшей степени клубных благ, под которыми можно понимать работу по благоустройству придомовой территории места проживания респондентов.

Респондентам могут быть неизвестны определения, данные общественному благу П. Самуэльсоном и М. Олсоном, но они чутко чувствуют границу между выполнением работы, которая может получить признание у других людей, и работы, которую никто не оценит должным образом. Поэтому многие из них признаются, что не могут осуждать других людей за низкую социальную активность, поскольку понимают ее причины и с ними согласны.

Однако в ответах респондентов заметен не только пессимизм. Достаточно часто они утверждали, что взаимопомощь и активность жителей поселения, в котором они живут, повысились в последние годы. Респонденты из сельской местности отмечали, что она и не была низкой, поэтому авторы вопроса «Считается, что раньше люди жили дружнее, принимали активное участие в жизни своего поселения, а сейчас все разобщены...» ошиблись. Но при оценке этих ответов необходимо иметь в виду, что они были даны местными руководителями, которые, может быть, желают представить положение дел на своих местах в лучшем виде. Более реальная картина с отношением жителей Новосибирска к деятельности ради общественного блага открывается в ответах, данных респондентами в опросе 2018 г.

Ссылки:

1. КГИ представляет доклад «Признаки изменения общественных настроений и их возможные последствия» [Электронный ресурс] // Комитет гражданских инициатив. 2018. 11 окт. URL: <https://komitetgi.ru/news/news/3902/> (дата обращения: 02.02.2019).
2. Количество добровольцев в России за семь лет увеличилось вдвое [Электронный ресурс] // Агентство социальной информации. 2018. 6 сент. URL: <https://www.asi.org.ru/news/2018/09/06/doklad-volonterstvo/> (дата обращения: 02.02.2019).
3. Алексеева Г.Г. Институционализация волонтерства как социального движения: на основании культурологически-исторического анализа духовных ценностей народов Якутии [Электронный ресурс] // Theories and Problems of Political Studies. 2017. Vol. 6, iss. 5A. P. 102–110. URL: <http://publishing-vak.ru/file/archive-politology-2017-5/12-alekseeva.pdf> (дата обращения: 02.02.2019); Коваленко А. Волонтеры бывают разными [Электронный ресурс] // Эксперт Online. 2018. 18 июня. <http://expert.ru/ural/2018/25/volonteryi-byivayut-raznyimi/> (дата обращения: 02.02.2019); Сычева А.В. Институционализация добровольческого движения молодежи в условиях современного российского общества // Успехи современной науки и образования. 2016. Т. 4, № 11. С. 133–137; Холина О.И. Институционализация волонтерства в структуру российского гражданского общества : монография. М., 2013. 135 с.
4. Kirsch T.G. Performing the Common Good: Volunteering and Ethics in Non-state Crime Prevention in South Africa // Africa. 2017. Vol. 87, no. 3. P. 496–512. <https://doi.org/10.1017/s0001972017000080>; Wu H. Social Impact of Volunteerism

- [Электронный ресурс] // Points of Light. 2011. 23 p. https://www.pointsoflight.org/sites/default/files/site-content/files/social_impact_of_volunteerism_pdf.pdf (дата обращения: 02.02.2019).
5. Ерофеев Ф.Ю. Социальные факторы повышения эффективности местного самоуправления (на материалах города Набережные Челны) : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Уфа, 2007. 19 с. ; Ключникова Т.Н. Социальная активность граждан как источник преобразований в местном самоуправлении // Современные исследования социальных проблем : электрон. науч. журн. 2015. № 2 (46). <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2015-2-19> ; Условия повышения социальной активности граждан в решении местных проблем [Электронный ресурс] : аналитический отчет о проведенном количественном и качественном исследовании // Всероссийский совет местного самоуправления. URL: http://www.vsmsinfo.ru/files/analit_otchet.doc (дата обращения: 14.02.2019) ; Щемелева И.И. Деятельностно-активистский подход в управлении социальной активностью: социальная активность как объект социологии управления // Актуальные проблемы социологии культуры, образования, молодежи и управления : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Екатеринбург, 2016. С. 1170–1172 ; Юдин П.А. Социальные ресурсы местного самоуправления : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Белгород, 1996. 24 с.
  6. Инфраструктура свободы: общие вещи и res publica : коллективная монография. СПб., 2013. 352 с.
  7. Олсон М. Логика коллективных действий: общественные блага и теория групп. М., 1995. 165 с.
  8. Российская провинция и ее обитатели (опыт наблюдения и попытка описания) / С.Г. Кордонский, Ю.М. Плюссин, Ю.А. Крашенинникова, А.Р. Тукаева, О.М. Моргунова, Д.Э. Ахунув, Д.В. Бойков // Мир России. 2011. № 1. С. 3–33.
  9. García-López G.A. Elite Capture, Elite Persistence and Conflict in Cross-scale Linkages in the Mexican Forest Commons [Электронный ресурс] // Ostrom Workshop. URL: https://ostromworkshop.indiana.edu/pdf/seriespapers/2012s_c/GarciaLopez,%20Gustavo_paper.pdf (дата обращения: 14.02.2019).
  10. Джохадзе И.Д. Демократия после модерна. М., 2006. 111 с.
  11. Banerjee A., Iyer L., Somanathan R. Public Action for Public Goods : working paper 12911. 2007. <https://doi.org/10.3386/w12911> ; Bradlow B.H. Embedded Cohesion: Social Bases of Urban Public Goods Distribution : working paper. 2019. 2 Jan. <https://doi.org/10.31235/osf.io/h39jw>.
  12. Simpson B., Willer R., Ridgeway C.L. Status Hierarchies and the Organization of Collective Action // Sociological Theory. 2012. Vol. 30, no. 3. P. 149–166. <https://doi.org/10.1177/0735275112457912> ; Tutic A., Grehl S. Status Characteristics and the Provision of Public Goods: Experimental Evidence // Sociological Science. 2018. Vol. 5. P. 1–20. <https://doi.org/10.15195/v5.a1>.
  13. Ерофеев Ф.Ю. Указ. соч. С. 10.

References:

- Alekseeva, GG 2017, 'Institutionalization of Volunteering as a Social Movement: on the Basis of Cultural and Historical Analysis of the Spiritual Values of the Yakutia Peoples', *Theories and Problems of Political Studies*, vol. 6, iss. 5A, pp. 102-110, viewed 02 February 2019, <<http://publishing-vak.ru/file/archive-politology-2017-5/12-alekseeva.pdf>>, (in Russian).
- Banerjee, A, Iyer, L & Somanathan, R 2007, *Public Action for Public Goods: working paper 12911*, <https://doi.org/10.3386/w12911>.
- Bradlow, BH 2019, *Embedded Cohesion: Social Bases of Urban Public Goods Distribution: working paper*, Jan. 2, <https://doi.org/10.31235/osf.io/h39jw>.
- 'Committee for Civil Initiatives Presents a Report "Signs of Changes in Public Sentiment and Their Possible Consequences"' 2018, *Komitet grazhdanskikh initsiativ*, Oct. 11, viewed 02 February 2019, <<https://komitetgi.ru/news/news/3902/>>, (in Russian).
- 'Conditions for Increasing the Social Activity of Citizens in Solving Local Problems: an Analytical Report on the Conducted Quantitative and Qualitative Research' 2019, *Vserossiyskiy soviet mestnogo samoupravleniya*, viewed 14 February 2019, <http://www.vsmsinfo.ru/files/analit_otchet.doc>, (in Russian).
- Dzhokhadze, ID 2006, *Democracy after Modernity*, Moscow, 111 p., (in Russian).
- Erofeev, FYu 2007, *Social Factors of Increasing the Effectiveness of Local Self-Government (Based on Materials of the City of Naberezhnye Chelny)*, PhD thesis abstract, Ufa, 19 p., (in Russian).
- García-López, GA 2019, 'Elite Capture, Elite Persistence and Conflict in Cross-scale Linkages in the Mexican Forest Commons', *Ostrom Workshop*, viewed 14 February 2019, <https://ostromworkshop.indiana.edu/pdf/seriespapers/2012s_c/GarciaLopez,%20Gustavo_paper.pdf>.
- Kholina, OI 2013, *Institutionalization of Volunteering into the Structure of Russian Civil Society: a monograph*, Moscow, 135 p., (in Russian).
- Kirsch, TG 2017, 'Performing the Common Good: Volunteering and Ethics in Non-state Crime Prevention in South Africa', *Africa*, vol. 87, no. 3, pp. 496-512, <https://doi.org/10.1017/s0001972017000080>.
- Klyuchnikova, TN 2015, 'Social Activity of Citizens as a Source of Transformations in Local Government', *Sovremennyye issledovaniya sotsial'nykh problem: elektron. nauch. zhurn.*, no. 2 (46), <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2015-2-19>, (in Russian).
- Kordonsky, SG, Plyussin, YuM, Krashenninikov, YuA, Tukaeva, AR, Morgunova, OM, Akhunov, DE & Boykov, DV 2011, 'Russian Province and Its Inhabitants (Observation Experience and an Attempt to Describe)', *Mir Rossii*, no. 1, pp. 3-33, (in Russian).
- Kovalenko, A 2018, 'Volunteers Are Different', *Ekspert Online*, June 18, viewed 02 February 2019, <<http://expert.ru/ural/2018/25/volonteryi-byivayut-raznymi/>>, (in Russian).
- Olson, M 1995, *The Logic of Collective Action: public goods and group theory*, Moscow, 165 p., (in Russian).
- Schemeleva, II 2016, 'Activity-Activist Approach to the Management of Social Activity: Social Activity as an Object of Sociology of Management', *Aktual'nyye problemy sotsiologii kul'tury, obrazovaniya, molodezhi i upravleniya: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem*, Yekaterinburg, pp. 1170-1172, (in Russian).
- Simpson, B, Willer, R & Ridgeway, CL 2012, 'Status Hierarchies and the Organization of Collective Action', *Sociological Theory*, vol. 30, no. 3, pp. 149-166, <https://doi.org/10.1177/0735275112457912>.
- Sycheva, AV 2016, 'Institutionalization of the Youth Volunteer Movement in the Conditions of Modern Russian Society', *Uspekhi sovremennoy nauki i obrazovaniya*, vol. 4, no. 11, pp. 133-137, (in Russian).
- The Infrastructure of Freedom: Common Things and Res Publica: a collective monograph* 2013, St. Petersburg, 352 p., (in Russian).
- 'The Number of Volunteers in Russia for Seven Years Has Doubled' 2018, *Agentstvo sotsial'noy informatsii*, Sept. 6, viewed 02 February 2019, <<https://www.asi.org.ru/news/2018/09/06/doklad-volonterstvo/>>, (in Russian).
- Tutic, A & Grehl, S 2018, 'Status Characteristics and the Provision of Public Goods: Experimental Evidence', *Sociological Science*, vol. 5, pp. 1-20, <https://doi.org/10.15195/v5.a1>.
- Wu, H 2011, 'Social Impact of Volunteerism', *Points of Light*, 23 p., viewed 02 February 2019, <https://www.pointsoflight.org/sites/default/files/site-content/files/social_impact_of_volunteerism_pdf.pdf>.
- Yudin, PA 1996, *Social Resources of Local Government*, PhD thesis abstract, Belgorod, 24 p., (in Russian).